

Шостакович Дмитрий
Дмитриевич

22.08.96

Век Шостаковича. Век с Шостаковичем

Культура - 2006 - 27 июля -
2007 - с. 10.

Все симфонии композитора прозвучали в Петербурге

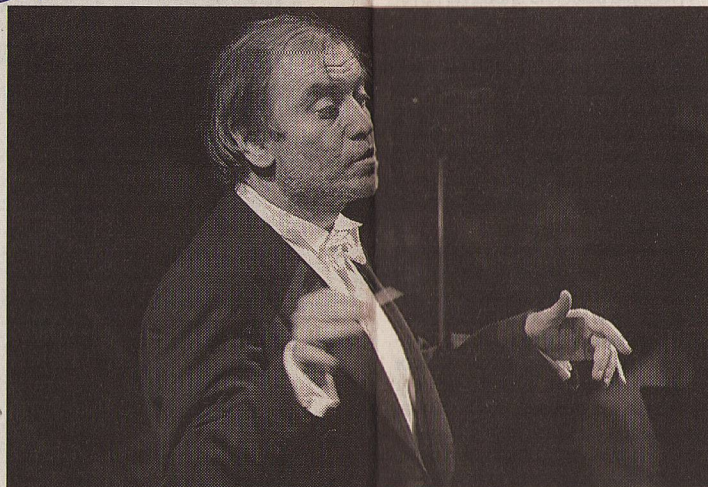
Попробуйте меня от века оторвать,
Ручаюсь вам, себе свернете шею!

Осип Мандельштам

Я в первый раз увидел Шостаковича 5 марта 1942-го. Куйбышев, эвакуация... Учительница музыки (да будет ей вечное благо!) посоветовала матери отвести меня на премьеру Седьмой симфонии Шостаковича. Там в местном Дворце культуры в это время выступал Большой театр. Самуил Самосуд, как теперь сказали бы, дирижировал мировую премьеру Седьмой. Помню, что вокруг в зале плакали и улыбались сквозь слезы. Много ли до ребенка неполных семи лет могло дойти во всей полноте? Но запечатлелось же на всю жизнь!

Второй раз увидел Шостаковича уже в Ленинграде, в Большом зале филармонии на премьере "Песни о лесах". Рядом с Мравинским: помню его кланяющегося, складывающегося пополам, как пац, — "Я человек эпохи Москвошвея! Смотрите, как на мне топорщится пиджак..." Но назову еще одну точную дату — 17 декабря 1953 года, даже помню, что сидел в 31-м, последнем ряду Большого зала вместе с друзьями-студентами, — премьеру Десyatой симфонии давал Евгений Мравинский. К тому времени, кроме Седьмой, уже слышал Пятую, Первую симфонии; других (формалистических!) не играли. Но Десятая стала первой, живьем услышанной и благодарно осознанной симфонией моего кумира. Еще не знаю мандельштамовского: "Век мой, зверь мой, кто сумеет/ Заглянуть в твои зрачки?" — но слышу: в Скерцо Шостакович "заглянул" за край нашей страшной действительности.

С благодарностью думаю сегодня, по окончании "Звезд белых ночей", в рамках которых — фестиваль внутри фестиваля — Валерий Гергиев подарил нам все симфонии Шостаковича! Привыкнув к тому, что Мариинский театр стал театром Шостаковича — здесь идут обе его законченные оперы, ставятся балеты, а к юбилею, даже об оперетте ("Москва — Черемушки") вспомнили, — мы теперь вправе называть Мариинку первой отечественной филармонией, где страницы симфонической летописи нашего великого современника перелистали не за сезон или два — такое бывало и прежде — а за восемь недель, меньше чем за два месяца! Оказалось, даже для нас, старшего поколения, заново прожить "жизнь с Шостаковичем", по-музыкантски говоря, в "стреттном" (сжатом) проведении — такое необы-

В. Гергиев

М. Шостакович

чайное счастье! А для молодежи — ее было немало на концертах — дар поэзии бесценный.

Валерий Гергиев с неслыханным размахом отмечает юбилей великого композитора повсюду, где дирижирует концерты — в России и за рубежом. Цикл всех симфоний Шостаковича он проводит в Англии, США, Японии... Там же вместе с труппой Мариинского театра знакомит публику с операми и балетами композитора. Дома, где он не раз дирижировал исполнением симфоний Шостаковича, он нынче разделит их интерпретацию с другими дирижерами, давними друзьями и участниками "Звезд белых ночей". И это придало фестивалю и представительности, и особой объемности — знак всемирной славы нашего гения.

Это не значит вовсе, что все исполнительские прочтения были доподлинны — в том смысле, что вполне созвучны или тем более конгениальны замыслу композитора. Порою — так было, например, с Пааво Ярви, дирижировавшим Десyatую симфонию, — интерпретация казалась "равнинной", лишенной богатейшего разновысотного динамического и темпового рельефа, который отличал памятные исполнения Десyatой Мравинским или Караяном.

Случалось и так, что темперамент дирижера диктовал ему темпы, отличные от метрономов, выставленных композитором в партитуре, или — что замечали уже не только музыканты, но и публика — от привычных, традиционных, а кто-то скажет — рутинных! Вот, например, Эса-Пекка Сало-

нен, блистательный мастер, обладающий изумительной — на взгляд из зала — и, как говорят, "удобной" для оркестрантов — мануальной — техникой, поразил неумным и совершенно не "северным" темпераментом. Presto из Девyatой было сыграно Prestissimo, отчего отличные маринские оркестранты, "выигрывая" каждую нотку, все же задыхались. В финальном Allegretto ускоренный темп лишил одно из последних проведений главной темы топчущей тяжеловесности, завуалировав гротеск — "двойное дно" финала.

Совсем иное дело, когда вздрагиваешь от неожиданно быстрого темпа, который берет Валерий Гергиев в "эпизоде нашествия" из Седьмой симфонии — берет сразу: уже дробь малого барабана выстукивает необычно лихо пригласывающую шансонетку. Опешив поначалу, понимаешь, не вдаваясь в программные штампы, что и такой исполнительский рисунок возможен — а в том, что он не случаен, а заранее продуман, убеждает все дальнейшее развитие музыкального материала. Вообще же говоря, проблема ускорения темпов, вызванная — это очевидно — всем укладом и ритмом нашей современной жизни, остается весьма актуальной в исполнительстве. Показательна ведь всеобщая востребованность курсов "быстрого чтения", в то время как медленному, вдумчивому не учат даже на уроках литературы.

Поэтому с особым пониманием я отнесся — не скрою, вопреки мнению многих моих коллег — к тем медленным темпам, которые предложил в Пятую симфонию Кристоф Эшенбах. Это относится прежде всего к предельно медленно сыгранной побочной партии первой части, к по-баховски строгому, при медленном чтении только выигрывающему в экспрессии Largo, к финальной коде, на этот раз прозвучавшей просто-таки торжественно-погребально. Но не таков ли и замысел Шостаковича? Мне в последних, заколачиваемых в гроб золотых гвоздях — ре-мажорных аккордах — всегда слышится: "Свободен, свободен, наконец-то свободен!" — возглас, которым провожали казненных негров-рабов их собратья. И опять к месту мандельштамовские "век-волкодав", "век-властелин", "мой прекрасный, жалкий век".

Когда после Пятой, спустя небольшое время, слушаешь Двенадцатую, ощущаешь особенно остро пропасть между живым и неживым, органичес-

ким, подлинным и насильственно вымученным. И мастерски сделана эта симфония "1917", посвященная вождю пролетариата, да тематизм вроде картонный, пафос деланный. Сравните хотя бы две коды — обе в ре мажоре: одна из мраморных плит (в Пятой), другая из бетонных блоков — бесконечный каданс, тупое топтание на месте, определенно издевающееся над заглавием финала "Заря человечества". Именно так честно, как написал Шостакович, ее и исполнил Гергиев. У Мандельштама и на сей счет есть объяснение-извинение: "Ну что же, если нам не выковать другого./ Давайто с веком вековать." И сыгранная рядом "на разрыв аорты" Восьмая еще раз подтвердила и репутацию, быть может, самой великой симфонии мастера, и репутацию Гергиева — интерпретатора Шостаковича.

Известно, Шостакович колебался в определении лучшей своей симфонии, отдавал предпочтение то Восьмой, то Четвертой. Не станем выбирать: о потрясении, испытанном при исполнении этой последней, я уже писал в одном из предыдущих номеров "Культуры" (№ 25, от 29 июня). Замечу только, что если раньше руководимый Гергиевым Роттердамский филармонический оркестр называли "самым западным русским оркестром в Европе", то теперь этой репутацией, очевидно, будет пользоваться Лондонский симфонический.

Одиннадцатая симфония с очевидностью обнаружила в музыке Шостаковича то, что свойственно подлинно гениальным произведениям: симфония вбирает, впитывает в себя все, что происходит с нами, мы сами наполняем ее новым смыслом. Вспоминаю снова кадры из фильма Семёна Арановича и Александра Сокурова "Альтовая соната". Под музыку расстрела на Дворцовой площади ("9 января") можно монтировать документальные кадры ГУЛАГа или вступать с ней в контрапункт, показывая ликующие толпы на Первомайской демонстрации. И вдруг оказывается, что Одиннадцатая — такая же страшная правда о нашей жизни, как и Четвертая, и Восьмая... Гергиев не устает и на Западе, и в России доказывать это своим исполнением.

Судя по рецензиям в некоторых газетах и по интернет-сайтам, нынче приходится доказывать правоту Шостаковича, считавшего Тринадцатую симфонию своим гражданским подвигом. Не жалуют — и стар и млад — дерзкие публицистические стихи Ев-

гения Евтушенко. Вплоть до нелепых предложений — не сыграть ли симфонию без стихов? А я слишком хорошо помню, каким торжеством свободы, каким праздником неповиновения была премьера Тринадцатой в Москве в декабре 1962-го с Кириллом Кондрашиным за дирижерским пультом и солистом Виталием Громадским. Как колени преклоненно благодарил Шостаковича Мария Вениаминовна Юдина от "всех замученных живьем" — теперь можно прочесть об этом в ее опубликованных письмах. Тринадцатая в исполнении Валерия Гергиева и солиста Сергея Алекашкина с хором и оркестром Мариинского театра и на сей раз была встречена залом благодарной овацией.

Фестиваль предоставил петербуржцам возможность встретиться с Марисом Янсонсом — любимцем наших филармонистов, помнящих его с первых шагов на дирижерском поприще. Ныне он один из ведущих дирижеров мира, увы, редко посещающий наш город. Тем дороже, что под его управлением прекрасно прозвучала и прежде игранная им Шестая симфония Шостаковича, кстати, одна из любимых в репертуаре Мравинского. Нельзя не восхититься и оркестром: маринцы, как настоящая инструментальная капелла, преобразуются под рукой разных дирижеров. В интерпретации философски глубокой и в то же время озорной симфонии была и европейская рафинированность, и русская бесшабашность, и высокий полет рука об руку с "низким", бытовым жанром.

Завершая свои заметки о фестивале воспоминаниями о самом первом концерте цикла "Все симфонии Шостаковича". За пультом оркестра Мариинского театра — Максим Шостакович. Его любят петербуржцы, особенно как исполнителя произведений своего отца. И на этот раз он выступил своеобразным медиумом, исполнив Четырнадцатую симфонию в содружестве с превосходными солистами Мариинского театра Ольгой Сергеевой и Алексеем Тановицким. Пятнадцатая симфония, симфония прощания под управлением ее первого исполнителя Максима Шостаковича, прозвучала с особой исповедальной глубиной и силой. Век Шостаковича, век с Шостаковичем был словно снова пережит и прожит.

Иосиф РАЙСКИН
Фото Натальи РАЗИНОЙ
Санкт-Петербург

11